

Жизнь и искусство - 1995 - 12-19 окт. - 4/6

В СВОЕМ КРУГУ

Если вы, любезный читатель, начинаете просматривать газету не с последней страницы, вы, должно быть, обратили внимание, что номер этот юбилейный — трехсотый по счету. То есть — не день, не два, не девять с половиной, а ровно триста недель, шесть почти полных лет мы с вами. Это уже говорит о некоем постоянстве, во всяком случае, о нашей любви к вам. И этот маленький внутренний праздник — по благосклонности приятных совпадений — отмечен для нас еще одной круглой датой: семидесятилетием нашей коллеги, редактора газеты по отделу театра Натэлы Георгиевны Лордкипанидзе. В «Экране и сцене» она с первого номера, и всеми теми публикациями о театре, которые вызывают читательский интерес, мы обязаны ее энергии, первостатейному авторскому составу, подобранному ею, опять же по постоянству бескорыстной любви к искусству сцены.

Вообще-то возраст юбиляров, принадлежащих к «слабому полу», не принято указывать, особенно, когда речь идет о служительницах прекрасных муз. Но, во-первых, наш юбиляр свой возраст скрывать и не думает, во-вторых, она так давно в журналистике и театральной критике, что сведущих с толку не собьешь, ну, а в-третьих, для тех, кто хорошо знает Натэлу Лордкипанидзе, при всей ее женственности, понятие «слабый пол» к ней не относится.

Она человек сильный по своим убеждениям, по прямоте высказываний, по пристрастиям и антипатиям, по верности дружбе, которая испытана всякими нелегкими обстоятельствами, выпадавшими на долю целых поколений, но проходящими через сердца и души конкретных людей.

Мы встретились с ней впервые в доме у Анатолия Аграновского в конце пятидесятых. «Познакомься, Лордкипанидзе».

И я протянул руку огромному бородавчатому красавцу, стоявшему с черноволосой спутницей. Его мощный облик соответствовал мощности статей, подписанных Н.Лордкипанидзе в

печальную картину — огромную груды выброшенных на помойку толстых журналов — «Нового мира», «Октября», «Невы», «Юности». Не знаю, за какие годы. Не знаю, кто и почему выкинул. Представляете, сколько жизней и судеб соединились на этой свалке минувшего? Сколько впустую потраченных лет, кем-то принимаемых за вдохновение, кем-то за верность профессии. Горько, что многое здесь действительно впустую и навсегда. И что может быть противоестественнее вида обреченного на забвение печатного слова? Причем не только по причине его лживости, конъюнктурности или бездарности. Сегодня многим неинтересно, ну неинтересно, что было вчера. Они думают, что про это и так знают.

Но уже уходя, я увидел молодого человека поодаль от кладбища периодики. Он перевязывал бечевкой довольно увесистую пачку журналов. Должно быть, порывшись, перелистывая, пробежал оглавления. У того, кто выбросил, связь с прошлым оборвалась. Я его не осуждаю. Ему так лучше. У того, кто подобрал, эта связь появится. Хотя, может, и тот, кто выбросил, тоже сначала отобрал?

Оглядываясь назад, если честен, от многого в себе отказываешься, как ни хорохорься: мы, мол, то-то и то, когда вы еще слыхом не слыхивали. Но, чтобы отказаться, надо помнить. Забыть проще всего. О чем помнить, от чего отказаться и от чего не отказаться ни за что на свете Натэла Лордкипанидзе знает сама. Уверен, что последнее перетянет на любых чашах сомнений.

Будут ли, не будут перелистывать подшивки старых газет со многими личными материалами Лордкипанидзе, но для тех, кто интересуется или заинтересуется движением театра и отчасти кино в середине века, особой необходимости в этом нет. Поскольку есть ее книги. Когда-то один мой старший коллега на заре моей журналистской деятельности говорил, что в газете надо писать не статьи, а сразу книгу. Только надо найти тему. Я так и не воспользовался его мудрым советом. Похоже, Натэла Лордкипанидзе знала эту мудрость

Ваш человек в нашей газете

Ал.АВДЕЕНКО

и смысл, видимое и сущее, говоря высокопарно.

Она, безусловно, человек дела, перлетуум-мобиле собираемости, лежащей в основе отечественной газетно-журнальной традиции со времен, что называется, Очакова и покорения Крыма. Ее напор центробежен и центростремительен одновременно, что одно другому не противоречит. Коль есть центр, должен быть и круг. Это в ней главное.

Круг общения, например. Личный. Если подруги, то навсегда, с незапамятных времен. Если друзья, то за них в огонь и в воду. Если авторы, то они должны быть умнее и лучше нас и писать, разумеется, поярче. «У нас уровень или не уровень?» — Это ее давнее восклицание. Вполне гамлетовская постановка вопроса, соединяющая личное с общественным в приложении к нашему юбиляру.

Когда-то не было суровое обвинение в адрес людей, занимающихся искусством, чем обвинение в «групповщине». Это иезуитское изобретение соцреализма разом позволяло расправиться с кем угодно — будь то «Серпионовы братья», «критики-антипатриоты», «художники-формалисты», «эстрадные поэты» или «музыканты-додекафонисты». Били с разбором, по самым вершинам. Если уж Эйзенштейну нельзя, Ахматовой, Фальку, Шостаковичу, то вы-то куда, всяческие Шнитке, Вознесенские, Неизвестные и Шемякины?!

Так вот, по этому определению Натэла Лордкипанидзе — типичная «групповщица», что я всячески отрицал в самых разных кабинетах, когда зашла речь о ее переходе в «Советскую культуру». Кто-то, причастный к кино (и даже очень в прошлые годы) припомнил, что в «Комсомольской правде» был подержан фильм Василя Быкова «Третья ракета», не принятый Кинокомитетом. Кто-то, знавший толк в живописи, наоборот, вспомнил про ругательную статью в той же «Комсомолке» о картине Александра Лактионова «Переезд на новую квартиру» (за это, кстати, Н.Лордкипанидзе была уволена из редакции в 1952-м году) и хвалебную в «Известиях» об «Обнаженной» Фальке. Нашлись и читатели «Недели», осведомленные о том, что при пособничестве Лордкипанидзе была опубликована благоприятная рецензия на монографию доктора искусствоведения Раисы Орловой. И хотя монография рассказывала об авторе нежно любимой у нас «Хижин дяди Тома», сама автор монографии являлась женой Льва Копелева.

Привет Владимову от Бичер Стоу!

Интересная у вас жизнь, у журналистов», — говаривал наш коллега-известинец, сам весьма известный журналист.

Между прочим, неотразимым аргументом в пользу перехода Н.Г. в «Советскую культуру» оказался вот какой. «Вы представляете, что скажет журналистская Москва, когда узнает, что Натэла Георгиевна ушла в «Культуру»? Значит, там что-то происходит!»

Не надо все время ругать бывшее начальство, оно не только боялось и перестраховывалось, но в общем-то знало цену людям и их истинной репутации.

Итак, «групповщица» по определению. Пусть простит меня читатель за патетичность, но она приличествует моменту. Помните у Киплинга: «мы одной с тобой крови, ты и я»? Боюсь не выкарабкаться из метафор, но все дело в этой метафизической группе крови. Первобытном инстинкте. Чутье на талант, радости общения с ним, тайной и сладкой власти над тобой чужого творческого откровения. Все просто — бездарность тянется к бездарности, серость к серости, а талант к таланту. Так и образуются группы.

Видел вчера, вытряхивая на Дорогомиловке мусор в бак,

и распорядилась ею во благо не только себе, но и всем тем, кому дороги живые и достоверные свидетельства о живой и достоверной жизни искусства.

Из года в год писала она в газете фрагментарно, а за домашним письменным столом подробно и дотошно о том, как рождаются роль, спектакль, фильм. Не умозрительно, не теоретически, не оценочно, а что называется, изнутри в прямом смысле этого слова. Результат — две книги. Одна вышла в конце семидесятых, другая в начале девяностых. Называются они на редкость просто — «Актер на репетиции», «Режиссер ставит спектакль». Таких книг никто никогда не напишет в будущем. А если и напишет, то о других героях. То же, что запечатлела, записала, запомнила, осмыслила Натэла Лордкипанидзе, бесценно навсегда.

Потому что днями, неделями сидела она на репетициях Георгия Товстоногова, ставившего «Дядю Ваню» и «Ревизора», Юрия Любимова, взявшегося за «Бориса Годунова», Олега Ефремова, осуществляющего постановку «Перламутровой Зинаиды», Темура Чхеидзе, приглашенного на МХАТ для работы над «Обвалом». А в кино — это «Король Лир» Григория Козинцева, «Калина красная» Василия Шукшина, «Дядя Ваня» Андрона Михалкова-Кончаловского, «Дочки-матери» Сергея Герасимова.

Это увлекательнейшее чтение, не идущее в сравнение со столь растражированным у нас жанром интервью, где собеседник того или иного автора должен уложиться в прокрустово ложе размера, темы и прочего (хотя и здесь есть свои асы — как спрашивающие, так и отвечающие). А в книгах Натэлы Лордкипанидзе люди — и какие! — живут в профессии, в деле, в тайнстве рассуждений и размышлений, в сомнениях и озарениях, в заблуждениях и открытиях. Эффект присутствия — абсолютный, ибо, что видит и слышит автор, видишь и слышишь ты, читатель. Ты рядом и с теми, кто уже назван, а еще со Смоктуновским, Евстигнеевым, Бондарчуком, Лавровым, Басилашвили, Любимым, да что перечислять, и десятками других, входящих в звездную плеяду настоящих мастеров.

Это тоже круг нашего автора, а со многими героями книг Натэлы Лордкипанидзе была не просто хорошо знакома, но по-настоящему дружна или дружит до сих пор.

Она у нас и у вас человек широкий и у муз на особом положении — член союза журналистов, писателей, кинематографистов, театральных деятелей. Если кто подумает, что не охвачены союзы художников или композиторов, то ошибется. Профессиональный художник ее дочь Наташа и не чужда рисованию внучка Варя, а сама Натэла напоеет вам любую мелодию, конечно, кроме сегодняшней «гадости», как она выражается.

Кстати, об имени. Она всегда подписывалась Н.Лордкипанидзе, а поскольку у нас в «Экране и сцене» установлена традиция подписываться полным именем, то каждый раз возникают вопросы: как его писать, через «э» или «е», с двумя или с одним «л». Она наши сомнения разрешить не может: в паспорте так, в удостоверении эдак. Не знаю, как в паспорте с этими буквами, но с цифрами — точно накладка. Станиславский снова бы сказал «Не верю!» и был бы прав.

Пусть на благо нам и вам, читатели, останется она такой молодой и энергичной, как сегодня и всегда.

Что же касается капустниковой части поздравлений, то мы затвердили приказом по редакции почетное звание — «Натэла Георгиевна Лордкипанидзе». Которым, впрочем, она давно и по праву обладает.

любимой мною «Комсомолке», и даже мощности безличного ее стиля: «и тут мы подумали», «мы бы не стали», «мы поверили», «мы не поверили». Гигант оказался ее мужем — Виктором Сажиным, сыгравшим в ее жизни замечательную роль, а его спутница — как раз тем мощным критиком, статьям которого я не то что завидовал, но точно знал, что так никогда написать не сумею.

Это о сильном поле.

Служебная жизнь свела нас в «Неделе» в начале семидесятых. И совсем не просто. Я работал в Агентстве печати «Новости», заведовал редакцией литературы и искусства, проштрафился перед новым руководством, сменившим Бориса Сергеевича Буркова, полным отсутствием в редакции материалов против Александра Солженицына. Мне посоветовали уйти подобру-поздорову. Я начал искать работу. Друзья-журфаковцы замолвили слово в «Известиях». Тогдашний заместитель главного милый и мягкий Юрий Константинович Филонич предложил должность обозревателя отдела искусств. Но ее все еще занимал человек, от которого при всем желании не могли освободиться, поскольку он имел партийный выговор. Между прочим, за всякие гнусности, что не помещало ему заниматься ими же потом уже в другом качестве — главного редактора крупного издательства. К выговорам же тоже было разное отношение — кого лелеяли, кого гнобили.

Натэла Лордкипанидзе, после нескольких лет службы в «Известиях» во времена Алексея Аджубея, работала в «Неделе». У нее не было выговоров, поскольку она никогда не состояла в партии, но решение редколлегии «Известий» об укреплении руководства отделом литературы и искусства «Недели», который возглавляла Лордкипанидзе, по рекомендации ЦК КПСС было принято. Криминал заключался в том, что в тогда единственном еженедельнике в стране и очень популярном была опубликована восторженная рецензия на роман Георгия Владимова «Три минуты молчания». Роман же пришел не ко двору официальной литературы.

Я сказал в «Известиях», что ждать больше не могу и соглашусь на менее лестное предложение, исходящее из другой редакции. Тогда мне предложили пойти в известинское приложение «Неделю». Я сказал, что на «живое место» не пойду. Мне ответили, что оно «неживое» — рано или поздно рекомендацию об «укреплении руководства» придется выполнять.

Я пришел к Натэле, с которой тогда был на «вы» и на достаточном расстоянии друг от друга, прямо рассказал, как обстоят дела, и получил в ответ тоже достаточно прямую тираду, начинавшуюся со слов «эти сволочи», а закончившуюся примерно таким благословением: «Уж лучше ты, чем кто-то другой».

Так был осуществлен передел территорий между двумя погоревшими на почве отечественной литературы — на Солженицыне и Владимове. Между прочим, спустя какое-то время погорел и Филонич. Но уже, как говорится, на бытовой почве — дочь его вышла замуж за иностранца, и замдиректора тихо исчез из руководящей номенклатуры.

Вот с тех-то пор — двадцать пять лет, четверть века — мы работаем с Лордкипанидзе вместе.

Она — личность, индивидуальность, персонаж бесконечно развивающейся пьесы, роль в которой играет сама с предельной искренностью и выразительностью, легко и свободно смешивая жанры — от щемяще-бытовой достоверности до абсурдизма высшей пробы. Ее легко вышучивать, ее «мо» заминается надолго, нет благодатнее темы для дружеских капустников, чем Н.Г. и ее всяческие несурезности — но все это до определенной черты, грани, разделяющей быт